

— Мне это не нравится, — сказала жена.

Ну и что? Мне тоже многое в жизни не очень-то нравится, но это не повод для бурного проявления эмоций в раннее субботнее утро.

— Ты слышал, что я сказала? — жена где-то в коридоре перед зеркалом наводила марафет, попутно прислушиваясь к работающему на кухне телевизору. В сложном процессе подведения глаз ей просто необходимо было оторвать меня от первой чашки утреннего кофе.

— Таня, мне это тоже не нравится. — Я сделал телевизор громче. — Подожди минуту, я хочу послушать еще раз.

Словно вняв моей просьбе, диктор на фоне обычного девятиэтажного дома, около которого сновали туда-сюда сотрудники милиции, из-за кадра сообщила:

— Вновь к главной новости. Вчера, около восьми часов вечера, в одном из «спальных» районов Новосибирска при выходе из подъезда вот этого дома выстрелом из снайперской винтовки был убит член Совета Федерации Ралиф Сарибеков. Ралиф Худатович в прошлом известный бизнесмен, основатель и руководитель «Сибирской инвестиционной компании». По данному факту прокуратурой возбуждено уголовное дело, ведется расследование.

Последняя фраза в репортаже, по мнению редакторов новостных программ, должна была вселять в зрителей оптимизм — мол, всё будет хорошо! К расследованию приступили, значит, порядок наведут, а убийство сенатора — дело третье, досадная неприятность.

Что бы ни случилось в нашей стране, прокуратура всегда бойко возбуждает уголовные дела и приступает к расследованию. Даже там, где расследовать вроде бы нечего, например, случилось наводнение или оползень — явно природные катастрофы, всё равно возбудят дело и приступят к поиску виновного. Что потом они делают с этими уголовными делами — загадка. Может, без лишнего шума, сдают на макулатуру? Во всяком случае, о направлении таких дел в суд молчат. Видно, направлять нечего. Рапортовать о возбуждении — не расследовать, большого ума не надо.

— Я же сказала тебе, мне это не нравится, — напомнила о себе жена.

— Что не нравится? Что убили сенатора? Он что, твой знакомый?

— Не ерничай. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. В прошлый раз по телевизору сказали про убийство какого-то директора завода, и я тебя не видела месяц.

— Не директора, а главного инженера. К тому же не месяц, а...

В коридоре зазвонил телефон.

— Как пить дать тебя! У меня сегодня с утра предчувствие!

— Оставь предчувствие себе. Да!

— Скажи честно, — мужской голос в трубке был приторно мягок и заботлив, — ты уже намазал маслом бутерброд? Налил чашечку бодрящего кофе? Стукнул вареным яичком о стол? Еще нет? Тогда и не надо. На работе кофе попьешь. Шеф ждет тебя. К девяти ждет.

Я посмотрел на часы. Семь тридцать утра. Когда я доберусь до работы, Сергей Павлович, оперативный дежурный, который звонил мне сейчас, будет сдавать смену, и я его не увижу. Так бы я ему высказал про кофе с маслом. Впрочем, он необидчив и начисто лишен чувства юмора.

— Только не говори, что это я накаркала. Тебя на работу? Прямо сейчас? Позавтракать успеешь?

— Милостиво разрешили умыться. Скажи мне, почему какой-то сволочи необходимо было стрелять этого сенатора именно в пятницу вечером? Ни раньше, ни позже! Им что, профсоюз киллеров запрещает работать по выходным? Стреляли бы в воскресенье. Все равно в понедельник на работу. Нет же, отметили конец трудовой недели. Мать его! Что мне, что сенатору, выходные испортили.

— Успокойся. Машину ты возьмешь?

— Нет, забирай. Я так доеду. Кстати, с чего это ты решила, что это из-за сенатора? Может, покойник тут и ни при чем? Может, они в Новосибирске сами разберутся, кто там у них такой прыткий. Только вышел сенатор на крыльцо.... Кстати, вышел он из совершенно обшарпанного подъезда, прямо как у нас. Негоже сенаторам по таким подъездам шастать. Как пролетарий какой-то. Ладно, я умываться пошел! Кстати, ты во сколько придешь?

— Лекции закончатся к двум. Потом с девчонками попьем чай. Ты что, забыл, что мы по субботам на кафедре пьем чай? Нет? Где-то около пяти вернусь. А что?

Но я уже пустил в ванной воду и достал зубную щетку.

Вот объяснил бы мне кто-нибудь, почему в стране, где нет никакого сената, есть сенаторы? Почему в стране, где девяносто лет нет никаких губерний, есть губернаторы? Их что, в революцию пострелять забыли? Так с тех пор и работают? Да ладно! Что придирается по мелочам. Я вообще бог знает где тружусь. Но, с другой стороны, штабс-капитаном белогвардейской контрразведки себя не именую.

Где-то сквозь шум воды раздался недовольный голос разбуженной дочери. Ей сегодня в школу к десяти, могла бы еще поспать. Но кто ее будить будет, если все уйдут? Проспит еще.

Быстрые сборы. Традиционный поцелуй жены у двери. «Пока, папа!» — от дочери. Шаг за порог — день 22 мая 2010 года начался.

На общественном транспорте до работы мне ехать минут тридцать. Утром пробок нет, и пассажиров по случаю субботы тоже немного. Но ведь куда-то же едут! Не сидится людям дома! Ладно я. У меня работа такая. А они? Да, о работе. Работаю я все там же, в шестнадцатом (закрытом) управлении министерства внутренних дел. Занимаюсь все тем же, преступлениями и преступными посягательствами в сфере авиационной промышленности. Промышленный шпионаж, саботаж, диверсии, уголовные преступления и всё такое, что имеет отношение к производству всего, что имеет крылья и летает. Загнул. Каюсь. Немного не так. Ведь существуют же птицефабрики. На них выращивают, то есть производят, кур. У кур и петухов есть крылья, и они немного летают. Но они не по моей части. Это для милиции. У меня же звание «подполковник внутренней службы». Должность — старший оперуполномоченный отдела двигателестроения. Правда, в служебном удостоверении у меня написано, что я подполковник милиции и старший научный сотрудник Северо-Западного НИИ МВД РФ. Но это не важно. Главное, что я и тут, и там старший. Это льстит самолюбию. А то, что нашего научного института не существует в природе, знают только посвященные.

Я как-то прикидывал, как бы замаскировать спецслужбу так, чтобы она была у всех на виду, но никому не известна. Чтобы ее сотрудники легально у всех на виду работали, но чем они занимаются, никто не знал. И главное, чтобы никто не интересовался характером их работы. Чтобы они были сотрудниками силового ведомства, но как бы не настоящими. Чтобы могли в любое время выехать в командировку и выглядело бы это очень обычно.

Самое лучшее прикрытие — это научно-исследовательский институт. Чем занимаются люди в этих институтах, никому не ведомо, что разрабатывают — неизвестно. А главное, работа их никому не интересна. Представьте, что я официально занимаюсь проблемами современной

криминологии — изучаю динамику и характер преступности. Эта ахиня может вызвать интерес только у профессора криминологии. Но я, слава богу, за десять лет работы такого умника не встречал. Самое главное, среди моих знакомых никто, гарантированно никто, не сможет объяснить, чем криминология, да еще современная, отличается от криминалистики. И мало кто в нашем городе, где нет юридического института, сможет это объяснить.

С другой стороны, научно-исследовательская деятельность предполагает командировки на всякие нудные совещания, симпозиумы, конференции. От любопытства знакомых идеальное прикрытие. Всегда можно соврать, что, мол, вызывали в Москву выступить с докладом в Академии МВД. А тему доклада долго ли выдумать? Могу прямо сейчас выдать, к примеру: «Тенденции роста хищения цветных металлов в промышленных центрах Уральского региона. Причины. Следствия. Рекомендуемые меры реагирования». Умно? Конечно. А главное, не понять, о чем это.

Но сразу же оговорюсь. Скорее всего, в системе МВД России есть институт, где занимаются именно такой тематикой, пишут мудреные научные трактаты и получают за это неплохую зарплату. Хотя кому это надо, я искренне не знаю. Просто не представляю.

О характере моей работы, конечно же, знает жена. Но по обоюдной и давней договоренности, она в мои дела не вникает. Как и я в ее. Ей мои дела интересны только с финансовой точки зрения, технической исправности совместного автомобиля и командировок. Последние стоят особняком. Они для жены просто бальзам на душу. Луч света в темном царстве быта! Хотя она это мастерски скрывает. Временами мне кажется, что у нее незаурядный актерский талант. Врет она легко и складно. Проведя время с очередным молодым любовником-студентом, так опишет заседание научно-методического совета, где якобы были жаркие дебаты, что поверишь и перепроверять не станешь. А я однажды стал.

Как-то года полтора назад я, как в анекдоте, вернулся из командировки на сутки раньше. Но напрямиком направился не домой, а в контору, писать отчет. Командировка выдалась провальной, и начальство жаждало испить моей крови. Настроение у меня было мерзкое, и я не стал звонить жене, что приехал. И был я немало удивлен, когда в двух кварталах от моей работы, среди бела дня, увидел жену, прогуливающуюся с юношей, лет на десять моложе ее. Она держала его под руку и мило улыбалась, как улыбаться можно только любовнику. Он тоже был весел. Словом, идиллия! Я только лишний. Ну и я, благо незамеченный, пошел на работу. И «приехал» я на следующее утро. И был радостно встречен, накормлен, обласкан. Особенно ночью. Страсти ночью просто пылали. Комар носу не подточит. Да и голова, насчет роста рогов, не чесалась. Но ведь сам видел!

Как поступить, была масса вариантов. Но мы приехали. О жене после. Вот она, родимая работа! Вот он, мой любимый «институт»! И на стене перед входом линиялая табличка «Северо-Западный НИИ МВД РФ». И все на этом. Просто и со вкусом.

Двери, снабженные противовесом, закрываются за мной сами по себе. В нешироком коридоре слева охранник за матовым стеклом. Прямо от входа вертушка. Справа я вставляю пластиковую карточку в щель, дожидаюсь зеленого огонька и прохожу на широкую лестницу, ведущую на второй и третий этажи. У нас есть еще и два этажа вниз. Но об этом знаем только мы.

На втором этаже дежурный сверяется со списком сотрудников, вызванных на работу. Я вызван. Он кивает мне. Киваю и я. Все в порядке, сержант! Я тут не от нечего делать.

Мне направо. Второй кабинет. Достаю ключ, открываю дверь. Видеокамеры с обеих сторон пристально наблюдают за мной. У охранника на первом этаже и у дежурного этажом ниже мигают сигнальные огоньки:

«Кабинет № 202» вскрыт! Охранная сигнализация отключена!» Но все спокойны. Все по плану.

У меня один из лучших кабинетов. Правда, окно выходит во двор, но зато он достаточно просторен, чтобы поместился диван. У дивана невиданная в здешних краях роскошь — журнальный столик!

Я плюхаюсь в кресло за рабочий стол. Автоматически, без какой-либо необходимости, включаю компьютер. Прикуриваю сигарету и набираю номер буфета. Работает он круглосуточно. Правда, кормят так себе. Не ресторан.

— Это Клементьев. Мне завтрак в кабинет. Да, прямо сейчас. Да что есть, то и несите. Я все равно с утра ничего не ел. Все пойдет!

После чего ставлю чайник. У меня примерно полчаса для приема пищи. Должно хватить.

Щелкает интерком. Секретарша шефа приглушенно:

— Александр Геннадьевич! Юрий Владимирович ждет вас.

Нормально. Покушали. Набираю телефон:

— Это Клементьев. Заказ пока отменяется. Позвоню позже.

Тушу сигарету и, взяв ежедневник, поднимаюсь к начальнику отдела авиационного двигателестроения полковнику внутренней службы Фомину Ю.В. — моему непосредственному боссу.

Личный секретарь нашего начальника отдела, Эльвира Валерьевна, молча рукой указывает мне на обитую кожей дверь. Вхожу без стука, без всякого доклада о прибытии, как это должно быть в серьезной военизированной организации.

Во главе стола Юрий Владимирович. Ему пятьдесят пять лет. Он лыс. Над брючным ремнем нависает округлый животик любителя жирной пищи и пива. Одет он сегодня в неброский костюм. Шеф нервно поглядывает на часы. Великолепные золотые швейцарские часы. Наверное, зарплата позволяет.

За столом для совещаний, справа от начальника, сидит его заместитель Дейс Эдуард Борисович. Он очень гордится своими немецкими корнями. И вообще он человек своенравный, временами вспыльчивый. У него аккуратная модельная прическа, очки в тонкой оправе, костюм темных тонов с красно-белым галстуком. Заместитель несколько худоват. Но это ничего! Пройдет немного лет, он полысеет, отрастит живот и тогда станет претендентом на должность начальника отдела. А пока ему комплекция не позволяет. Вот и ходит в сорок семь лет в заместителях.

— Новости смотрел? Догадался, зачем вызвали?

— Глубоко сомневаюсь, Юрий Владимирович, что вы пригласили меня отпраздновать победу юношеской сборной России по классической борьбе. — Я усаживаюсь за стол напротив заместителя. — Второй новостью на всех телеканалах было убийство сенатора Сарибекова. Почему-то мне кажется, что мы будем говорить о нем.

— Правильно кажется. Я поручаю тебе расследование этого преступления. Сегодня вечером вылетишь в Новосибирск. Детали обсуди с Эдуардом Борисовичем. От себя скажу: дело громкое, наверняка будет на контроле в администрации президента. Значит, на месте будет много сутолоки и бестолковщины. Ты будь покоррктнее. По-вежливее будь. И прокурорам всяким постоянно не говори, что у них правды искать, как у змеи ног. Понял?

— А что, у змеи ноги есть? Подумаешь, раз сказал прокурору края правду в глаза. То он сам не знает! Все, все, молчу! Я от кого еду? И кто еще едет?

— Ты специальный представитель начальника департамента уголовного розыска МВД России. Документы получишь те же, что и в Иркутске. От нас у тебя будет помощник. Из Москвы прикомандируют сотрудника. Кого — пока не знаю. Но старший в группе — ты. От ФСБ и МВД по полновесной оперативно-розыскной бригаде. Скучно тебе не будет. Если поймешь, что в убийстве нашей темы нет, можешь сразу же возвращаться назад.

— Юрий Владимирович, а вообще, почему мы-то должны им заниматься? Пусть ФСБ землю рогами роет. Политики — это по их части.

— В понедельник, обрати внимание, в понедельник, 24 мая, Сарибеков должен был инвестировать приличную сумму в разработку перспективного двигателя для истребителей пятого поколения. Заметь, в разработку двигателя!

— И прилично обещал отслонявить?

— Восемьдесят миллионов долларов.

— Американских долларов?

— Ты хочешь, чтобы я тебе настроение перед отъездом испортил?

— А что я-то? Спросить уже нельзя. Может, он по канадским долларам прикалывается. Я хотел уточнить детали.

— Он уже ни по чему не прикалывается. Ты это, Саша, местного резидента зря не дергай. Ему сейчас и без тебя жарко станет. Ну, не мне тебя учить. Всё у меня, парни. Идите работать!

Я и заместитель прошли ко мне в кабинет. По второму кругу зашипел чайник, я заказал завтрак. Заурчал небольшой старенький холодильник в углу. Мы закурили.

— С чего начать? — протирая очки, спросил Дейс. — И учти, я в этой теме только с половины пятого утра.

— Опа! Мне еще повезло поспать лишний часок! Ну, давай: где родился, где крестился. Хотя, судя по фамилии, он восточных кровей. Татарин?

— Башкир. В последнее время стал благочестивым мусульманином. Ездил на хадж в Мекку. Стал именоваться как по паспорту: Ралиф. До этого, при советской власти, все его звали Роман Худатович. Сильно набожным до последнего времени не был.

— Эдуард Борисович, а может, его религиозные экстремисты шарахнули? Не пожертвовал на ремонт мечети, зажил ли деньги на новый халат для имама, они и взялись за оружие. Кстати, сенатора из чего убили?

— Вроде бы из обычной снайперской винтовки Драгунова. Причем обычной пулей, без всяких наворотов. Но стрелял специалист. Сарибеков вечером в пятницу, неизвестно к кому, приехал в эту девятиэтажку. Охрану оставил в соседнем дворе, отсутствовал примерно часа два. Снайпер караулил его на стройке метрах в ста пятидесяти. Оттуда он ему прямо в висок и влупил. Причем выстрел слышали все, на улице было полно народу. Никаким глушителем киллер не пользовался. Тем не менее убийца, кто бы он ни был, благополучно ускользнул. У местной милиции, как я понял, вообще никаких намеков по делу. Может, москвичи что привезут.

— Ага, привезут они. Такие же дармоеды, как телохранители у сенатора. И богатый был покойник?

— Состояние что-то около десяти миллиардов.

— Чего, чего? Десять миллиардов?! Долларов? Рублей? Если рублей, то это искренне радуется. Хотя и в рублях тоже нехило! И на чем он заработал в пересчете на американские деньги триста тридцать три миллиона долларов? Собирал пустые бутылки? Сдавал металлолом? Работал закройщиком дамских шляпок?

— Работал он в нефтяной промышленности.

— Слушай, Эдуард Борисович, — я могу называть его на «ты», хотя он и старше меня на десять лет. — Почему топ-менеджмент нефтяной и газовой отрасли состоит из евреев, татар и вот еще одного башкира? Ну, с евреями все понятно — где деньги, там и евреи. А эти-то как туда пролезли?

— Потом и кровью пролезли. Да и не пролезли, а заработали. Так уж повелось, что в советское время в Татарстане и Башкирии самыми престижными вузами были институты нефтяной и газовой промышленности. Естественно, дети состоятельных родителей учились в Москве, Ленинграде, Киеве. А выходцам из народа была одна дорога, благо нефти и газа в Поволжье полно. Потом открыли нефть в Западной Сибири, стали осваивать газовые месторождения Севера. Вот они, башкиры с татарами, а не

мы с тобой, поехали в тундру и тайгу возводить буровые и добывать Родине черное золото. Жили они в палатках летом, когда комары живьем поедают, и в щитовых домиках зимой, когда мороз за сорок — нормальное явление. Север, друг мой, это другой мир, это другая существующая рядом с нами параллельная планета. Утром, перед выходом на мороз, чтобы обеспечить организму нужное количество калорий, нефтяники глотают, не разжевывая, большой кусок вареного сала. Обычного человека от такого завтрака стошнит, нефтяника — нет. Если бы ты, по молодости, регулярно глотал бы перед выходом на мороз вареный жир кусками, сейчас бы не задавал вопросы, откуда у людей миллионные состояния. Вполне закономерно, что из самых настойчивых и трудолюбивых первопроходцев Севера сложился управленческий персонал. Так сказать, прослойка крепких хозяйственников. Ну а потом перестройка, смена власти, и все: конец эпохи всеобщего равенства и братства. Смог хапнуть — ты уважаемый человек и миллиардер. Не смог — иди на досрочную пенсию и помалкивай.

— Сколько Сарибекову годков?

— Шестьдесят один. Вдовец. Есть две взрослые дочери.

— Симпатичные? Не замужем?

— Там и узнаешь. Да ты вроде бы пока женат. Да и рылом ты не вышел для девушек с состоянием в пять миллиардов рублей.

— Насчет рыла зря! Может, они умных любят, начитанных, культурных?

— «Культурный» — это ты не о себе ли?

В дверь раздался стук, и вошла дежурная официантка с заказанным завтраком. Вообще-то в нашей организации только пятеро имеют право запрашивать трапезу в кабинет. Остальным приходится питаться в столовой на первом подземном этаже.

— Прикинь, Эдуард Борисович! Я погожим вечерком, когда с океана веет живительной свежестью, под ручку